

Увяданья ЗОЛОТОМ ОХВАЧЕННЫЙ

- А скажи, дяденька, кого ты знаешь из поэтов?
- Пушкина.
- Это, дяденька, мертвый. А вот кого ты из живых знаешь?
- Из живых нема, барин. Мы живых не знаем. Мы только чугунных.

Беликая рязанская мечта

Поскольку Россия столетней давности нам неведома как Атлантида, пойдем простой и чертовски знакомой сегодня дорогой - представим себе нечто американское.

Нет, мы не в Калифорнии и не во Флориде. Мы будто бы где-то между Канзасом и Вермонтом. Маленький городишко на берегу реки. Домов шестьсот. Церковь. Трактир... Виноват, - салун. Лавки. Начальная школа. Усадьба когда-то богатеньких, а теперь обедневших землевладельцев-плантаторов.

Жители заняты сельским хозяйством. Хлеб растет. Коровы мычат. Сады цветут. Разводят и лошадок. Лихие ковбои время от времени яро дерутся, нанося салуну изрядный урон. Правда, широкополые шляпы и кожаных штанов здесь не носят. С огнестрельным оружием слабовато, мордобой пальбою не украшен. Банджо неведомо - гармошка-тальянка аккомпанирует не песенкам кантри, а залихватским частушкам.

Живет, как и в настоящем, в этом рязанском Канзасе и народ побогаче, и народец победнее. Среди последнего - папа с мамой, которые уезжают в большой город на заработки, оставив сына деду. А он как раз из тех, кто побогаче, - с землицей хорошо и баржи ездят для доставки грузов по той реке, что протекает возле городка и называется Окю. Наверное поэтому, что народ местный старательно окает, исправляя "за" прошлые грехи, когда говорили тут не "осень", а "есень". И сохранилось это в фамилии нашего плебейца.

Он подрастает. Способный кученик симпатичный задира, заводила и верховод. Но школа начальная уже позади. Училище в соседнем городишке, который побогаче родного, - тоже. Пора и за ум браться. Самому зарабатывать на жизнь. И едет плебей котцу в

Анатолий МАРИЕНГОФ,
"Роман без вранья"

столицу другого штата, в город, который почти что Нью-Йорк, но называется и поныне Москвою. Работать надо в конторе мясной лавки при приказчике-отце. Но скоро они расходятся как в море корабли.

Предоставленный самому себе восемнадцатилетний искатель успеха устраивается в книжный магазин, потом в большую типографию подчитчиком корректора, пишет стихи, которые время от времени удается пристроить в журналы, учится в общедоступном народном университете, живет в гражданском браке с сослуживицей по типографии и в первый раз становится отцом. В общем, мыкается, сердешный. Общается с такими же провинциальными графоманами, тоже пишущими стишки об ивах, березках и "яблочном Спасе".

И эдак все бы длилось даль-

"Пойди, Сережа, ляг мне под ножки, а то моим ножкам что-то твердо", то я пошел бы и лег".

"Знаешь, как я на Парнас восходил?.. Тут, брат, дело надо было вести хитро. Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать. Городецкий ввел? Ввел. Сологуб с Чеботаревской ввели? Ввели. Одним словом: и Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Изнев... Говорил им, что еду бочки в Ригу катать. Жрать, мол, нечего. А в Петербург на денек, на два, пока партия моя грузчиков подберется. А какие там бочки - за мировой славой в Санкт-Петербург приехал, за бронзовым монументом..."

И пошло-поехало. Публикации в газетах и журналах. Тусовка в литературных салонах. Времецко для того, чтоб "косить" под наивенького, скромненького, окаяющего провинциала, "человека из народа", посконного и сермяжного - самое подходящее.

Припомним все-таки историю России - это было время, когда в самом главном "салоне" империи в большом успехе и почете обретался дру-

70 лет назад
не стало Сергея Есенина.
"Кто кончил жизнь трагически,
тот истинный поэт".
Строить теории о том,
как это случилось, не будем...

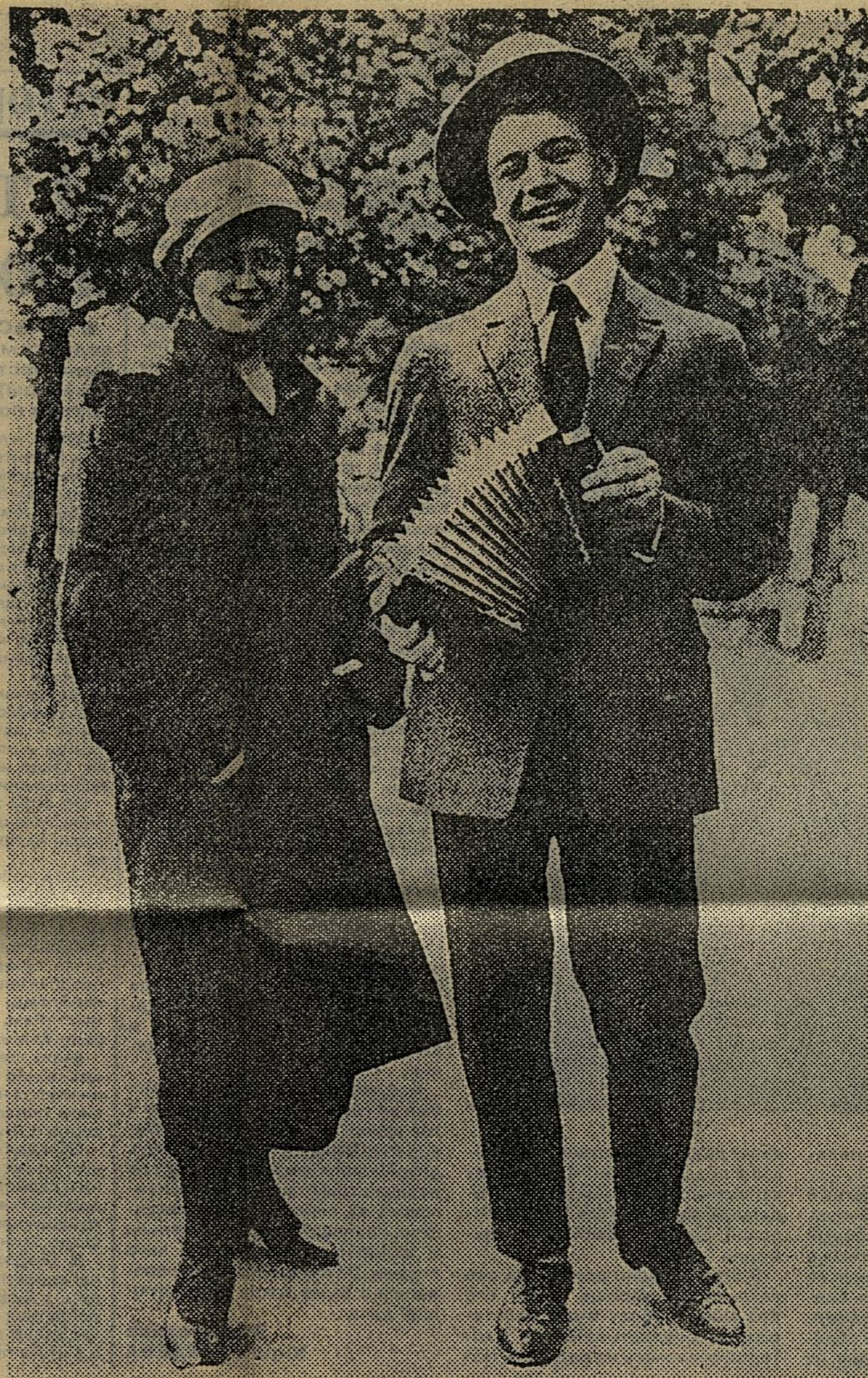
ше, кабы наш плебей-ковбой не был бы одарен, помимо прочего, честолюбием и не был бы абсолютно уверен, что вот еще чуть-чуть, и будет он первым из первых поэтов.

Все бросив, он едет в Санкт-Петербург. Который, правда, уже был в 1915-м Петроградом - с американским не путаешь. Алчущий славы герой прямоиком направляется к тому, кто действительно слыл тогда первым из первых поэтов. Но дома Блока не оказалось. И пришлось приходить еще раз...

"Если бы мне Блок сказал:

гой посконный и сермяжный - Григорий Ефимович Распутин.

И тут плебей был призван в армию - второе лето идет война. Оказался искатель успеха не где-нибудь в тьму таракани - в Царском Селе, в санитарной колонне, которая обслуживала лазареты, находившиеся под патронажем императорской фамилии. Покровительствует молодому поэту из народа сам полковник Ломан, офицер при дворцовом коменданте. Хорошо известна по публикациям фотография полковника вместе с Распутиным...

Поэт представлен Ломаном императрице Александре. "Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустны. Я ответил ей, что такова вся Россия"... Был удостоен золотых часов...

Как бы дальше сложилась дворцовая карьера, неизвестно. Распутин был убит. Посконные мужички выходили из моды. Пришел интеллигентско-буржуазный февраль 1917-го. Дезертировав из армии, Есенин отправляется в свой то ли Канзас, то ли Вермонт - в село Константиново Рязанской губернии. На лето и осень.

Вместе с октябрём.

Возвращается обратно в столицу. Как и положено молодому романтику, ему нравится начавшийся кавардак. Перебирается в Москву вослед большевистскому правительству. "Вместе с советской властью покинул Петроград"...

А дальше жизнь вращается бешеной каруселью. И можно, наверное, написать не роман даже - эпопею. Но без Джека Лондона нам тут не обойтись.

В декорациях военного коммунизма, разрухи - "великая депрессия", черт ее побери. На фоне базарного нэпа. Стихи и гульба. Журналы и жен-

щины. "Стоило Пегаса" и "Гостиница для путешественников в прекрасном".

"На второй день в Петербурге пошел дождь. ...Есенинская золотая голова побурела, а кудри свисали жалкими писарскими запятыми..."

Бегали из магазина в магазин, умоляя продать нам без ордера шляпу.

В магазине, по счету десяток, умоляя продать нам без ордера немецкий цилиндр.

Мы, невероятно обрадованные, благодарно жали немцу пухлую руку.

А через пять минут на Невском прозрачные петербуржане вытупляли на нас глаза, ирисники гоготали вслед, а пораженный милиционер потребовал:

- Документы!

Вот правдивая история появления на свет легендарных и единственных в революции цилиндров, прославленных молвой и воспетых поэтами" (А. Мариенгоф, "Роман без вранья").

"Мать моя - родина, я - большевик" - "Я московский озорной гуляка" - "Русь советская" - "Москва кабацкая". Белая горячка - "Черный человек". "Улица имажиниста Есенина". Имажинизм - алкоголизм. Райх - Дункан - Толстая. Америка.

"Я думаю, что каждый ребенок рождается гением. Те, кого мир именует гениями, когда они вырастают, по-моему, просто дети, счастливо избежавшие образования. Вот гений. Вот молодая Россия. Шальной, сильный, полный жизни. Поэтический." (Из интервью Айседоры Дункан, 1923 г., США.)

Но вдруг чудесная карусель остановилась...

Уже тихо и молча ушел Александр Блок. Уже расстрелян Гумилев. Настанет скоро час Маяковскому выстрелить в сердце. Еще будет петля для Марины Цветаевой. А пока Петроград, "Англетер", ремень американского чемодана обвился по шее Есенина, труба парового отопления обожгла лицо...

Поэт в России меньше, чем поэт

Весь этот псевдоамериканский карнавал, разыгранный тогда и многократно пересказанный - восторженно, осуждающе, настороженно, всего лишь миф. А как все было на самом деле - каждый представляет сам.

В этой дикой погоне за славой, удачей, мечтой было мало, наверное, радости. Все больше мука мученическая.

Родился и вырос в деревне, о ней пел, пел, пел. А жить мог только в городе. Дома, даже угла своего никогда не имел - есенинскую мемориальную доску пристроить теперь проблема. Женщин покорил многих, все мечтал и пытался, и не без успеха, породниться то с Шалапиным, то с Толстым, то жениться на суперзвезде. Детей нарожал. Но семьи не имел, по большому счету, никогда.

Любил прифрантиться, погулять вдоволь, угостить, а с деньгами всю жизнь натуга. Все жаждал какого-то вселенского успеха. А никому-то был не нужен. Ни в России, строившей насмешливое счастье для всего человечества.

Ни в Америке, где о нем говорили лишь как о молодом муже не очень молодой звезды. А он, не зная английского, мнительно и ревниво требовал и требовал, чтобы ему рассказали-таки - как и что о нем говорят? И в абсолютной своей бесприютности - дикий страх одиночества.

Увядала эпоха. В пучину по-

гружалась Атлантида. Отлетали последние золотые листья серебряного века...

"И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа..." (Из письма Мариенгофа, 12 ноября 1922 г.)

Романтически принятая революция и советская власть в конце концов вызвали только болезненное раздражение.

"Точно мне ЗАКОННОМУ сыну российскому в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власти имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей Богу не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу."

Теперь, когда от революции остались только клонь да трубка, теперь когда там жмут руки тем..., кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что ты и я будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше, еще там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь, теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской.

По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь." (Из письма Куликову, 7 февраля 1923 г.)

На месяц ошибся. Скрывался декабрь. А собак повесили позже... "Предназначенное расставание обещает встречу впереди..."

Нынешние версии об убийстве Есенина приобрели такой размах, о каком алчущий славы поэт лишь мечтал, пожалуй. Вместо "золотого века" русской поэзии наступил какой-то странный "золотой век" детектива. Чем громче преступление, тем оно громче остается нераскрытым. Куда уж там проникнуть в тайны давно минувших дней. Но именно это и пытаются делать. Хотя скорее ясно, что эти тайны так и останутся нераскрытыми. Особенно, когда они надуманны.

Всегда хочется выдающемуся человеку придумать подходящее житие - он или праведник, если долго жил и многое успел, или мученик, которому пристало иметь свою Голгофу, своего Иуду, своего Понтия Пилата, и (это уж непременно) какой-нибудь злобный синедрисон.

Все действительно так в человеческой жизни и смерти, но только не стоит буквально следовать в своих поисках библейским образцам. Великая притча становится тогда скверным анекдотом. И жизнь горько смеется над людьми, которые из века в век так и остаются, похоже, невеждами, странными слепцами, что желяют в ущерб очевидному вогнать действительность в заготовленные рамки...

Игорь ТЕПЛОВ